

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ОТРАЖЕНИЕ ЕГО СУЩНОСТИ, СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового нигилизма, получившая отражение в трудах русских и зарубежных писателей, представителей общественно-политической мысли. Нигилизм как сложное социальное явление впервые стал рассматриваться в работах русских писателей. Нигилистические настроения получили широкое распространение во второй половине XIX в. Сходные процессы происходили не только в России, но и в странах Западной Европы. Нигилизм имеет множество форм своего объективирования. В своем первоначальном виде он представлял собой протест против традиций и устоявшихся консервативных ценностей. Стоит отметить, что нигилистические тенденции развивались преимущественно в среде разночинной интеллигенции, хотя определенное распространение они получали и в верхних слоях общества. В настоящей статье делается акцент на правовом нигилизме, в рамках которого подвергаются сомнению такие ценности, как государство, власть, закон, правопорядок.

Разумеется, несмотря на некие общие черты, правовой нигилизм в России и в западных странах все-таки различался. Это отчетливо прослеживается в работах классиков русской и зарубежной литературы.

В статье характеризуются сущность, содержание и формы правового нигилизма на основе работ представителей отечественной юридической науки.

Ключевые слова: правовой нигилизм, сущность, форма, содержание правовая культура, правовое воспитание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.009-024

Призрак бродит по планете, призрак нигилизма.
Андре Глюксман,
французский философ и публицист

Нигилизм как социальное явление и, соответственно, проблема, был впервые поставлен на общественное обсуждение великими русскими писателями (Евгений Базаров у Тургенева и Марк Волохов у Гончарова). В. В. Набоков, блестящий знаток русской и европейской лите-

ратуры, своеобразно описывает историческую эпоху: «В то время Россия представляла собой сплошной сон: народ спал — в переносном смысле слова, интеллигенты полуночиали — буквально, беседуя и размышляя до пяти утра...»¹. Стоит отметить, что среди представи-

¹ Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб., 2017. С. 120—121.

© Корнев А. В., 2018

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

kornev_av@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

телей общественно-политической мысли были те, кто критически относился к нигилизму, в том числе правовому. Однако были и другие, кто в какой-то степени сам являл собой пример юридического нигилизма.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на творчество Константина Сергеевича Аксакова (1817—1860) — видного славянофила, который формировался первоначально в кружке Н. В. Станкевича и практически до конца своей жизни поддерживал самые теплые отношения со своими коллегами. К. С. Аксаков в молодости страстно увлекся идеями Гегеля. Это увлечение порой принимало форму экзальтации. Он был убежден, что «русский народ преимущественно перед всеми другими призван понять Гегеля», т.е. дать простор в себе самопознанию Абсолютного Духа. Вместе с Самариным, в это время тоже гегельянцем, Аксаков проповедует гегельянство в славянофильском его истолковании и применении.

Так же, как и Самарин, Аксаков видит пагубную двойственность, свойственную личности. Она может следовать по пути самообособления, который будет вместе с тем путем саморазрушения, но может идти путем самоограничения, во имя высшего целого. Такой высшей инстанцией является община (русская), пламенным поэтом которой был Аксаков: «Личность в русской общине, — писал он, — не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма... личность поглощена в общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре»².

Защищая свободу личности в пределах жизни целого (общины), Аксаков очень четко противопоставляет социальную сферу государственной: если первая есть ценное и подлинное восполнение личности, то вторая, наоборот, чужда внутренней жизни личности. Именно с этой точки зрения Аксаков критикует западную культуру, в которой чрезмерное развитие государственности было связано с тем, что «правда» как начало внутреннее выразилась в законе. Запад потому и развил законность, писал Аксаков, что чувствовал в себе недостаток правды. На Западе, считал он, *душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом*³.

Поэт-юморист Б. Н. Алмазов вложил в уста Аксакова следующие строки:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...*

К. С. Аксаков защищал свободу человека, но понимал ее как внутреннюю категорию. Именно поэтому свобода понималась славянофилами, и не только ими, в свете религии, если угодно — богоискательства. В силу этого феномен свободы в русской общественно-политической мысли нередко связывался с совестью, ответственностью, долгом, нравственными обязательствами и т.д. По этой же причине многие мыслители в России полагали, что процесс секуляризации западного общества выдвигает формализованные правила, т.е. законы, на первое место среди всех регуляторов общественных отношений.

Первый явственный до очевидности вывод из истории и свойства русского народа есть тот, писал Аксаков, что это народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного.

Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства, отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этой общественной жизнью. Не желая *править*, народ наш желает *жить*, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной — народной жизни внутри себя.

Итак, русский народ, отделив от себя государственный элемент, отдав полную государ-

² Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Ч. 2. С. 36.

³ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 36—37.

ственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которого есть общество христианского типа. Только при неограниченной монархической власти, полагал Аксаков, народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский⁴.

Из этого Аксаков делал поразительные выводы с современной точки зрения на демократию и государственность. Признавая неограниченную государственную власть, считал Аксаков, народ удерживает за собой свою совершенную независимость духа, совести, мысли.

По его мнению, первостепенное отношение между правительством и народом есть отношение взаимного невмешательства, но такое отношение (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношением положительным между государством и землею (земствами или, по-современному, местным самоуправлением). Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охранение жизни народа, есть внешнее его обеспечение, доставление ему всех способов и средств, да процветает его благосостояние, да выразит оно все свое значение и исполнит свое нравственное призвание на земле.

Общественное мнение — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству. Она есть та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

Некоторые мысли К. С. Аксакова, написанные более 150 лет тому назад, к сожалению, не утратили актуальности и по сей день. Он констатирует, что современное ему состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народы, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. И не только не спрашивается мнение народа, но всякий честный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не

имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт. Правительство и народ не понимают друг друга, и их отношения недружественны. Есть в России, констатирует он, отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для их исцеления: раскол, крепостное состояние, взяточничество.

В чем видит выход Аксаков? По его мнению, необходимо сделать так, чтобы у правительства была неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, а народу необходимо предоставить полную свободу жизни, и внутренней, и внешней, которую охраняет правительство. В итоге правительству — свободу действия и, следовательно, *закона*, народу — права мнения и, следовательно, слова. Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!⁵

В словах Аксакова одновременно содержится и правда жизни, и, конечно же, утопия. Многие славянофилы, да и западники тоже, в своих работах нередко описывали не реальную жизнь, а ту, которая существовала в их воображении. Следовательно, ощущается некоторая оторванность от общественных реалий, идеализация определенных черт народной, общественной и государственной жизни одновременно. *Политико-правовые идеалы славянофилов, патриотов, почвенников, традиционалистов, консерваторов, как правило, не придавали формально-юридическим процедурам сколько-нибудь самостоятельного, а уж тем более первостепенного значения в регулировании общественных отношений.* Всегда делался акцент на правде, религиозном законе, совести, традициях общинной жизни. Социум вырабатывает свои правила, полагали они, а человек обязан их строго соблюдать. В этой формуле нет и намек на индивидуализм, личное пространство и свободу.

Аксаков предоставляет правительству право действовать по своему усмотрению, по закону, который оно само же и принимает без всякого участия народа, у которого остается лишь право мнения, слова, «свободной внутренней жизни».

Такая доктрина, если она может претендовать на этот статус, вольно или невольно

⁴ Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1972. Т. 4. С. 109.

⁵ Указ. соч. Т. 4. С. 111—112.

продуцирует правовой нигилизм, отрицает потребность в праве, которое призвано стандартизировать общественные отношения, при этом создавая пространство личной свободы и независимости от общества и государства посредством обязательного для всех закона.

Герой одного из рассказов И. С. Тургенева, отставной поручик кавалерии Петр Васильевич Крупицын, размышляет так: «А на что она, эта хваленая свобода, человеку? Человек свободный — это дело известное — либо скучает, либо дурачится»⁶.

Те же мысли прочно владели умом безграмотного вымышленного диктатора одной из стран Латинской Америки — героя потрясающего романа Габриэля Гарсиа Маркеса, олицетворяющего абсолютную власть: «...размышляя о будущем, он был осенен догадкой, волшебным озарением, которое явило ему причины всех бед страны — у людей слишком много свободного времени для всяких там размышлений, поэтому надо чем-то занять это время...»⁷.

На этом фоне очень любопытны отдельные штрихи к биографии поэта И. Бродского, который был вынужден эмигрировать из СССР в США, где и стал нобелевским лауреатом в области литературы. Бродский утверждал, что жить в другой стране можно, только сильно полюбив в ней что-то. Для себя он сформулировал это так: «Я особенно люблю две вещи — американскую поэзию и дух американских законов»⁸.

Как утверждает другой эмигрант, писатель А. Генис, закон для Бродского воплощал индивидуализм, который он считал «надежнейшей преградой злу». В этом, в сущности, смысл его нобелевской лекции: литература, избавляя от банальности зла, делает нас личностями, требуя самостоятельности мышления, оригинальности, даже, если угодно, — эксцентричности. Все это Бродский находил у своих любимых американских поэтов, в первую очередь — у Фроста. Рассуждая о нем, он попутно объяснил, в чем видит разницу между английскими и американскими стихами. Видя дерево, говорил Бродский, британский поэт вспоминает, какой король под ним сидел. Американский

поэт, тот же Фрост, общается с деревом на равных — вне исторических аллюзий⁹.

Итак, закон в западной интерпретации выступает гарантом против зла. Бродский подчеркивает величайшую роль литературы, которая выполняет защитную функцию личности от зла и произвола других (другого). И совсем не важно, кто будет выступать в этом качестве — другой человек, общество или государство. Но сама по себе литература, и, очевидно, Бродский это понимал, бессильна противостоять злу, если нет законов.

Проблема нигилизма, а более широко — права затрагивается и у великого русского писателя Ф. М. Достоевского. Верховенский-младший говорит: «Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола!.. Слушайте, мы сначала пустим смуту... мы проникнем в самый народ... Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущения, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают... Знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем... и преступление уже не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере почти благородный протест. “Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!”. Но это лишь ягодки. Русский Бог уже спасовал перед “дешевкой”. Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а что у нас в судах: “двести розог, или тащи ведро”. О, дайте взрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьаннее стали... если потребуется, мы на сорок лет в пустыню выгоним... Не одно или два поколения разврата

⁶ Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1980. Т. 4. С. 334.

⁷ Маркес Г. Г. Осень патриарха. М., 2017. С. 58.

⁸ Цит. по: Генис А. Довлатов и окрестности. Частный случай. М., 2011. С. 322.

⁹ Генис А. Указ. соч. С. 323.

теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот что надо! А тут еще “свеженькой кровушки”, чтоб попривык»¹⁰.

Своим романом писатель отреагировал на рост терроризма, связанный с появлением огромного количества радикальных организаций, которые поставили себе целью разрушить старую, ненавистную им царскую Россию. Но эти организации не просто хотели разрушить государство. Они хотели создать «нового» человека, для которого традиционные ценности ничего не будут значить. В первую очередь под удар были поставлены православная церковь, монархия, семья, любовь к Отечеству (патриотизм).

Достоевский это очень тонко чувствовал и серьезно опасался нарастания радикальных настроений у определенной части российского общества, имеющего, кстати, неплохое образование. Верховенский показан в романе как законченный циник, для которого не осталось ничего святого. И если Моисей водил свой народ сорок лет по пустыне, дабы вытравить у людей, освободившихся из плена, остатки рабской психологии, то здесь, наоборот, сорок лет верховенским нужно было для того, чтобы избавить людей от всего того, что человека делает человеком. Это не просто нигилизм, а нечто гораздо более худшее. Самое примечательное состоит в том, что *именно молодежь была избрана* в качестве наиболее подходящей социальной группы для проведения чудовищных социальных экспериментов.

Это вполне понятно, поскольку юношеству присущ максимализм, от которого не так далеко до радикализма в самых различных его проявлениях. По этой причине государство и общество не должны оставлять юношество без внимания. Тут все достаточно просто: как молодежь будет воспитана, такое будущее будет иметь страна.

Справедливости ради стоит сказать, что неверие в право, отрицание его ценности, умаление роли в сложнейшем процессе социального регулирования было свойственно практически всем социальным группам, несмотря на их различную политическую ориентацию. К примеру, монархисты и консерваторы, да и не только они, искали прочные основы общественно-

го и государственного союза, как правило, за рамками юридических (формализованных) правил. Снова читаем у Ф. М. Достоевского: «...русский народ искони любил разговор с “самим генералом”, собственно из одного уж удовольствия и даже чем бы сей разговор ни оканчивался»¹¹.

Н. Я. Данилевский на вопрос, что такое государство, пытается ответить, как он сам говорит, отменяя всякие мистические, ничего не дающие уму, определения типа «государство есть высшее проявление закона правды и справедливости на земле». С его точки зрения, государство есть такая форма, или такое состояние общества, которое обеспечивает его членам покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу. Такое определение кажется ему вполне удовлетворительным, если жизнь, честь, свободу личности понимать в обширном значении этого слова, т.е. не одну индивидуальную жизнь, честь и свободу, но также жизнь, честь и свободу национальную, которые составляют существенную долю этих благ.

Н. Я. Данилевский полагает, что государство тогда только может соответствовать своему предназначению, когда будет движимо одною национальной волею, что возможно лишь в следующих трех случаях: 1) когда в состав государства входит одна национальность; 2) когда численное и нравственное преобладание господствующей народности так сильно, что включенные в государственный состав слабые национальности не могут оказывать никакого действительного сопротивления выражению ее национальной воли, и, следовательно, собственный интерес побуждает их слиться в одно с нею целое; 3) когда главная национальность, хотя и не преобладает численно, но одна лишь имеет политическую волю; прочие же, хотя и малочисленные, составляют лишь материал, которым верховная национальность может распоряжаться по своему произволу. Этот случай, очевидно, может иметь место лишь тогда, когда подчиненные народности составляют только единицы этнографические, никогда историческою жизнью не жившие, а если и жившие, то потерявшие сознание своей исторической роли.

Во всех этих трех случаях в государстве будет господствовать система политического

¹⁰ Достоевский Ф. М. Бесы : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 63—64.

¹¹ Указ. соч. С. 103.

централизма, хотя бы в административном отношении его части пользовались самой широкой самостоятельностью. Н. Я. Данилевский считает, что централизм является политическим принципом государства¹².

Позицию Данилевского необходимо рассматривать как мнение человека, сформировавшегося в определенную историческую эпоху, для которого имперское сознание было естественным. Кстати, оно имело место не только в России, но еще больше в Англии. Над территорией английской империи, как известно, никогда не заходило солнце. Разумеется, такая точка зрения не уместается в рамки современных представлений о демократическом, правовом государстве, о равенстве всех людей, этносов и народов и недопустимости их классификаций по теперь уже сомнительным критериям.

Тем не менее определенная доля истины в его рассуждениях есть, как это ни прискорбно. Миграционные процессы, имеющие место в Европе и России, существенно меняют так называемый социальный ландшафт, что самым серьезным образом сказывается на правовой действительности в целом, включая такие категории, как правовая культура и правовое сознание. Известный российский социолог, старший научный сотрудник Института социологии РАН Л. Бызов, касаясь угрожающих темпов миграции, делает прогноз, представляющий интерес с социолого-правовой точки зрения. Он, в частности, пишет: «Нынешний политико-идеологический крен в “азиатчину” (метафора, не несущая никакого уничижительного смысла. — А. К.), на мой взгляд, носит скорее конъюнктурный, политехнологический характер, чем отражает какие-то более глубокие тенденции. В первую очередь это ответ властей на кризис легитимности, с которым они столкнулись на рубеже 2011—2012 годов... Многие убеждены, что наша правовая система будет дальше подстраиваться под азиатские нравы и представления о праве. Можно согласиться с тем, что, пожалуй, главным отличием правовой и политической системы России было и остается верховенство неписаных, нигде не зафиксированных законов и договоренностей над формальным правом, это обстоятельство очень важно и сегодня является главным социо-

культурным барьером, преграждающим путь стране в сторону мировой цивилизации. Дело тут не только и не столько в Востоке как в таковом. Дело в самой конструкции чрезвычайно сложно устроенной и асимметричной территориальной империи, которая просто не может управляться на основе общих и прозрачных правил, предусмотренных нормами современной западной демократии»¹³.

Создается довольно мрачное ощущение, навеянное таким экспертным прогнозом. Однако наука должна воспринимать действительность такой, какой она является на самом деле. А вот здесь как раз наметились определенные проблемы. К сожалению, в современной юридической литературе прослеживается очевидная тенденция, выражающаяся в игнорировании реальности как таковой. Отсюда — уход в метафизические спекуляции, выстраивание «заумных теорий» в модном постмодернистском ключе, в основе которых, на поверку, лежат обыкновенные банальности.

Конечно, все мы видим эти процессы, которые затрагивают в том числе и систему социального регулирования общественных отношений. Сегодня многие юристы с именем констатируют подмену формальных процедур неформальными. Это стало заметным социальным явлением и отодвигает нас от горизонтов правового государства и гражданского общества.

В отечественной литературе, посвященной проблемам государственно-правового строительства, всегда уделялось большое внимание географическому фактору. Империя во всем ее многообразии, как это ни парадоксально, самым причудливым образом отражалась и до сих пор отражается на ментальности русского народа, порождая определенные архетипы поведения, включая и правовые модели.

И. Л. Солоневич, со свойственной ему категоричностью, писал: «Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Или потому, что понимает недостаточность своих сил»¹⁴.

Солоневич полагает, что это — основной лейтмотив государственной истории любого народа. «Я отстаиваю идею русского импери-

¹² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 346—347.

¹³ Литературная газета. 2013. 13—19 марта. № 10—11 (6407).

¹⁴ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 15.

ализма, — заявляет Солоневич, — т.е. идею построения великого и многонационального “содружества наций”. Нужно, наконец, называть вещи своими именами: всякий народ есть народ империалистический, ибо всякий хочет построить империю и всякий хочет построить ее на свой образец: немцы на основах расовой дисциплины, англичане — на базе коммерческого расчета, американцы — на своих деловых методах, римляне строили на основах права, мы строим на основах православия»¹⁵.

Римско-западный юридический тип государственности, как правило, был объектом критики со стороны представителей так называемого охранительно-консервативного направления. Они отмечали, что юридизация общественной жизни имела место только внутри самой западной цивилизации. В отношениях с другими культурами западный мир о правовых формальностях начисто забывает. Об этом красноречиво написал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника». Да и само западное общество — отнюдь не эталон. Таким его у нас воспринимали и воспринимают либералы.

В контексте закона, правосудия, справедливости очень интересен роман классика английской литературы Чарльза Диккенса «Холодный дом» (1852—1853). По сути, это — приговор английской правовой системе. В романе хваленый английский суд являет собой смесь волокиты, цинизма, мздоимства, лицедейства. Искать там истину и справедливость — занятие тщетное. Эпизод из жизни суда написан следующим образом: «День выдался под стать лорду-канцлеру — в такой и только в такой вот день подобает ему здесь восседать... День выдался под стать членам адвокатуры при Верховном Канцлерском суде — в такой-то вот день и подобает им здесь блуждать как в тумане, и они примерно в числе двадцати человек сегодня блуждают здесь, разбираясь в одном из десяти тысяч пунктов некоей донельзя затянувшейся тяжбы, подставляя ножку друг другу на скользких прецедентах, по колесу увязая в технических затруднениях, колотаясь головами в защитных париках из козьей шерсти и конского волоса о стены пустословия и по-актерски серьезно делая вид, будто вершат правосудие»¹⁶.

У читателя возникает ощущение, что лондонский туман может иногда рассеиваться, а вот туман, окутавший английское правосудие, — никогда. Хотя английский писатель, возможно, и сильно сгущал краски.

Отрицание права, строго формализованных процедур и правил, было очень характерно для многих представителей общественно-политической мысли России. К примеру, К. П. Победоносцев свою главную задачу видел в борьбе с агрессивным наступлением «общих начал» и их носителями. Он подвергал последовательной и острой критике те государственные и общественные формы романо-германской цивилизации, которые, будучи плотью от плоти «общих начал, объявлялись общечеловеческими» и «самыми прогрессивными» как самими европейцами, так и русской либеральной интеллигенцией. Навязывание Отчеству чужеродных моделей развития казалось Победоносцеву безумием, самоубийством. В «Московском сборнике» он яростно атаковал одни за другими фетиши европейской демократии — будь то система отделения церкви от государства, суд присяжных, «идея правового государства», «свободная пресса», но главной мишенью обер-прокурора станет «священная корова» Запада — парламентаризм. Отвергаемым плодам романо-германской цивилизации Победоносцев противопоставлял общественное и государственное устройство России, стоящее на триедином фундаменте Православия, Самодержавия, Народности.

Такая позиция давала известные поводы для критики. Благо, что поводов хватало. Л. Д. Троцкий писал: «Что мы всесторонне бедны накопленной тысячелетней бедностью, этого нет нужды доказывать. История вытряхнула нас из своего рукава в суровых условиях и рассеяла тонким слоем по большой равнине. Никто не предлагал нам другого местожительства: пришлось тянуть лямку на отведенном участке. Азиатское нашествие — с востока, беспощадное давление более богатой Европы — с запада, поглощение государственным левиафаном чрезмерной доли народного труда, все это не только обездоливало трудовые массы, но и иссушало источники питания господствующих классов... Католическая Европа проделала Реформацию — могущественное движение, легшее рубезом между средневековой и но-

¹⁵ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 267.

¹⁶ Цит. по: Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб., 2016. С. 197—198.

вой историей. Против феодально-бытового автоматизма католической церкви восстала вылупившаяся из феодальной скорлупы бюргерско-человеческая личность... Средневековый город Европы был каменной колыбелью третьего сословия. Там вся новая эпоха подготавливалась. В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами сложились драгоценные навыки самоуправления и выросла человеческая личность, — конечно, буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить. Когда третьему сословию стало тесно в старых корпорациях, ему оставалось только зародившиеся там новые отношения перенести на государство в целом»¹⁷.

Так думал не только Троцкий. Известный общественный деятель и крупнейший ученый дореволюционной России Б. Н. Чичерин, касаясь нашей истории, писал: «Здесь должно было развиваться не столько начало права, истекающее из крепости самородных союзов и их требований человеческой личности, сколько начало власти, которое одно могло сплотить необъятные пространства и разбросанное народонаселение в единое государственное тело»¹⁸. По мнению Б. Н. Чичерина, все дело в том, что городское население и городское сословие были в России очень слабыми, в отличие от Запада. Город всегда являлся некоей школой гражданственности, самостоятельности, вольности, а в целом «...местное самоуправление служит школой для самостоятельности народа и лучшим практическим приготовлением к представительному порядку»¹⁹.

Заметки Троцкого во многом справедливы. У каждого народа своя история, такая, какая есть. И это надо принимать как должное. Тем не менее создается впечатление, что нигилистическое отношение к праву формировалось всем ходом российской истории, и в ходе ее так и не сформировались гражданское общество и автономная, защищенная законом личность. Но и сожалеть об этом тоже не стоит. В противном случае Россия не справилась бы ни с одним нашим бедствием, ни с одной внутренней смутой.

Исследуя природу нигилизма, необходимо коснуться места и роли интеллигенции в общественно-политической жизни, ее влияния на правовую культуру общества. В литературе можно встретить разные оценки интеллигенции в этом процессе. Тот же Троцкий не без удовольствия приводит в упомянутой статье невесть кем предложенный разухабистый, с его точки зрения, отзыв о представителе русской интеллигенции: «До тридцати лет — радикал, а затем — каналья».

В 1909 г. выходит знаменитый сборник «Вехи». Его авторами стали известные в России люди: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский, А. С. Изгоев, М. О. Гершензон и др. Сборник был посвящен интеллигенции, а более широко — роли интеллигенции в российском обществе. Интеллигенция рассматривалась как элемент социальной структуры, т.е. как определенная общественная группа — внеклассовая и внесословная, что отличало ее от различных религиозных и политических групп. Кроме того, она мыслилась как носитель определенного типа сознания. Интеллектуальное творчество расценивалось как необходимая, но недостаточная «составляющая» интеллигентского сознания: не только неприятие социального зла, но и активное служение народу, прогрессу, высшим критерием которого мыслилось нравственное и духовное развитие личности — вот что составляло его сущностную характеристику²⁰.

Авторы в основном критически оценивали интеллигенцию. Во-первых, отмечался ее замкнутый характер. По оценке Бердяева, интеллигенция скорее напоминала «монашеский орден или религиозную секту». Во-вторых, авторы «Вех» констатировали отщепенство интеллигенции, отстранение от народа, его быта и образа жизни. В-третьих, остракизму подверглась и такая черта интеллигентского сознания, как нигилистический морализм, связанный с неприятием универсальных норм и абсолютных ценностей, в основе которого лежит пафос служения земным нуждам народа, идее социальной справедливости²¹.

¹⁷ Троцкий Л. Д. Об интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. М.: Наука, 1993. С. 107—108.

¹⁸ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1886. С. 356.

¹⁹ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 149—150.

²⁰ Введение. Русские источники современной социальной философии // Интеллигенция. Власть. Народ. С. 14—17.

²¹ Введение. Русские источники современной социальной философии. С. 16—19.

Из всех авторов «Вех» наибольший интерес вызывают два — Б. А. Кистяковский и П. И. Новгородцев, поскольку их размышления об интеллигенции строились под юридическим углом зрения.

Кистяковский полагал, что право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость. Значение его относительно. Одни видят в праве только этический минимум, другие считают его неотъемлемым признаком принуждения, т.е. насилия. Если это так, то нет оснований упрекать нашу интеллигенцию в игнорировании права. Из всех формальных ценностей, считал Кистяковский, право как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма играет самую важную роль. Право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематические упражнения воли. «Право, — констатирует Кистяковский, — по преимуществу социальная система и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом; дисциплинированное общество и общество с развитым социальным порядком — тождественные понятия»²².

Если иметь в виду это всесторонне дисциплинирующее значение права и отдавать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то результаты получатся крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И далее: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития»²³.

Б. А. Кистяковский — довольно активный теоретик украинского национализма, о чем в советский период по понятным причинам умалчивалось, сетует на то, что в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупно-

сти идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли.

Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом застарелого зла — отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа. При этом Кистяковский ссылается на Герцена, который писал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им, как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Правосознание русской интеллигенции Кистяковский называет ни много, ни мало *убожеским*. Более всего, полагает Кистяковский, правосознание нашей интеллигенции проявляется по отношению к двум основным видам права — к правам личности и к объективному правопорядку.

Равнодушие российского общества к гражданскому суду Кистяковский квалифицирует как поразительное. Широкие слои общества совсем не интересуются его организацией и деятельностью. Отсюда и вывод: «Каково правосознание нашего общества, таков и наш суд»²⁴.

Судебная реформа 1864 г., отмечает Кистяковский, создала и у нас свободных служителей права — сословие присяжных поверенных. Но и здесь приходится с грустью признать, что, несмотря на свое более чем сорокалетнее существование, сословие присяжных поверенных мало дало для развития нашего правосознания. Следовательно, пишет он: «Суд не может занимать того высокого положения, которое ему предназначено, если в обществе нет вполне ясного сознания его настоящих задач. Что такого сознания у нашей интеллигенции нет, доказательства этого неисчислимы»²⁵.

П. И. Новгородцев, размышляя об интеллигенции, больше делал акцент не на вопро-

²² Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Интеллигенция. Власть. Народ. С. 141.

²³ Указ. соч. С. 141—142.

²⁴ Указ. соч. С. 161.

²⁵ Указ. соч. С. 162.

сы права, а на безыдейность, оторванность от народа, антигосударственность и безрелигиозность, которые были свойственны, по его мнению, русскому интеллектуальному классу. «Что касается русского общественного сознания в его господствующих течениях, — писал Новгородцев, — то ему принадлежит печальная роль той разрушительной силы, которая в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и вовсе конкретные и реальные основы истории, заменив их отвлеченной пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма; а когда ей предоставлена была свобода действовать и властвовать, она привела Россию на край гибели. Для русского государственного сознания наших дней встает задача огромной жизненной важности: в непосредственном взаимодействии власти и народа осознать и утвердить необходимые основы государственного бытия... совершенно непоправимым несчастьем было бы то, если бы интеллигенция наша снова решила, что ей нечего пересматривать и нечего менять. Ибо только в духовном опыте просвещенной части общества вырабатываются идейные основы государственности»²⁶.

Таким образом, можно констатировать наличие довольно длительной истории у российского правового нигилизма. Он появился явно не сегодня, а уже прочно утвердился в дореволюционный период отечественной истории. Болезненно сознавать, что интеллигенция, разумеется, не вся, вместо того, чтобы повышать уровень культуры российского общества, нередко вполне сознательно разрушала здоровые инстинкты общественной и государственной жизни. Особенно пагубно это отражалось на мировоззрении подрастающего поколения, как это ни печально.

В современной юридической литературе нет единого мнения относительно сущности правового нигилизма. Категориями «сущность», «форма», «содержание» мы обязаны величайшим философам античности — Платону и Аристотелю. Платон определял сущность как идею, не сводимую к телесно-чувственному бытию вещей. Подобно всякой идее, сущность нематериальна, неизменна и вечна. Аристотель понимал под сущностью вечный

принцип бытия вещей. Он был уверен в том, что сущность вещи определяется формой, ибо «форма определяет бытие вещи».

Сущность есть смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых состояний вещи под влиянием тех или иных обстоятельств²⁷.

В современной философской литературе сущность определяется как внутреннее содержание предмета, представляющее собой устойчивое единство всех многообразных и противоречивых форм его бытия. Под сущностью понимается совокупность глубинных связей, отношений, свойств и внутренних законов, обуславливающих основные черты и тенденции развития любой системы. Этимологически слово «сущность» происходит от «сущее», «существование». Существование нуждается в основе, имеет некоторое начало, источник, происходит из чего-то, что определяет главное в том, что существует²⁸.

С сущностью связана и такая категория, как явление. В обыденной жизни их довольно часто путают, в том числе и тогда, когда рассуждают о нигилизме вообще, и правовом в частности. В этом смысле явление всегда следует отличать от сущности. В свое время классики очень верно подметили: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»²⁹.

Сущность и явление — философские категории, отражающие всеобщие необходимые стороны всех объектов и процессов в мире. Сущность — совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития материальной системы. Явления — конкретные события, свойства или процессы, выражающие внешние стороны действительности и представляющие форму проявления и обнаружения некоторой сущности. Категории «сущность» и «явление» всегда неразрывно связаны между собой. В мире нет такой сущности, которая не обнаруживалась бы вовне и была непознаваемой, как нет и явления, которое не заключало бы в себе никакой информации о сущности. Но единство сущности и явления

²⁶ Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. С. 236.

²⁷ См.: Философский словарь. М., 1981. С. 360.

²⁸ См.: Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. М., 2011. С. 109.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 384.

не означает их совпадения, так как сущность всегда скрыта за поверхностью явления, и чем глубже она лежит, тем более трудным и длительным оказывается ее познание в теории³⁰.

Этот философский подход в полной мере относится и к познанию такой категории, как правовой нигилизм. Он может иметь множество форм проявления. Например, человек отказывается давать свидетельские показания, хотя они могут иметь важное значение для разрешения дела по существу. По сути, это есть одно из проявлений правового нигилизма.

Слово нигилизм происходит от латинского *nihil* (ничто, ничего). В словаре иностранных слов нигилизм характеризуется как *полное отрицание всего общепризнанного, полный скептицизм*. В то же время дается и такое объяснение, «прогрессивное течение русской общественной мысли 60-х годов 19 в., отрицательно относившееся к традициям, устоям дворянского общества, крепостничеству». Наряду с этим нигилист — это «человек, отрицательно относившийся ко всему общепризнанному, проявляющий *нигилизм*»³¹.

Такая трактовка нигилизма вполне объяснима. Она производна от категории «прогресс». Что считать прогрессивным, а что нет? Очень часто это зависит от личных пристрастий, взглядов, мировоззрения. Иногда оценки зависят и от «господствующих» тенденций. В советское время было принято ругать все то, что было при царизме, как тогда говорили. Затем стали критиковать все, что связано с советским периодом нашей истории. Хорошо, что сегодня эта явно нездоровая тенденция постепенно уходит в прошлое. В этой связи можно отметить критическое отношение к тому, что было ранее, или, наоборот, восхваление. Людям часто не хватает объективности, и отсюда — крайности в оценках. Между тем негативное отношение к законам, как нам представляется, не всегда можно трактовать только как отрицательное явление. На этот счет высказывались интересные суждения.

Стоит отметить, что в юридической литературе определения правового нигилизма и, соответственно, попытки охарактеризовать его сущность не обнаруживают особой дискуссионности вопроса. Так, в одной из работ чита-

ем: «Правовой нигилизм — это сознательное негативное отношение человека (социальной группы, общества) к праву, выражающееся в отрицании (полном либо частичном) ценности права для общества в целом и каждого его члена в отдельности, оправдываемом убеждением в объективной неспособности права выполнять роль действенного правового регулятора»³².

В целом данную позицию можно признать правильной. Но вместе с тем возникают и некоторые вопросы. Если отдельный индивид или даже социальная группа негативно относятся к праву, то этот факт следует признать как вполне допустимый и даже приемлемый. Понятно, что в обществе не все его члены будут следовать формальным или неформальным правилам. Криминально ориентированные личности, преступные сообщества к законам с особым пиететом не относятся, даже наоборот. Совсем другое дело, когда речь идет об обществе в целом. Если оно в массе своей негативно относится к праву (закону), тогда, конечно, обнаруживаются проблемы, по меньшей мере, две: или государство принимает законы, которые противоречат ценностям этого общества, или общество негативно относится к праву как формализованному регулятору, поскольку в нем, т.е. в этом обществе, отсутствуют определенные правовые традиции.

Многие юристы и культурологи справедливо делят культуры, а где-то и цивилизации, на правовые и неправовые. Западная (европейская) цивилизация в своем классическом варианте всегда квалифицировалась как цивилизация христианская и юридическая. Вот как на этот счет высказывается один из столпов сравнительного правоведения Р. Давид: «Живя в обществе, где право ценится очень высоко и считается способным регулировать самые разные аспекты общественных отношений, мы склонны думать, что так обстоит дело во всех странах, или по меньшей мере во всех обществах, достигших такого же уровня развития, что и мы... На Западе, в странах ислама, в Индии к праву относятся как к опоре социального строя, необходимому средству его охраны. Разумная организация общества включает в себя примат права. Люди должны жить в со-

³⁰ См.: Философский словарь. С. 360—361.

³¹ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 335.

³² Матевосова Е. К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 17—18.

ответствии с правом, а если они лишены такой возможности, то бороться за торжество права. Власти должны соблюдать нормы права, а суды — обеспечивать уважение к праву. Право — это зеркало справедливости. Его отсутствие ведет к произволу, анархии, господству силы. Право — это объект уважения и почитания. Суды — это храмы правосудия, в которых обитают уважаемые судьи»³³.

Странам Дальнего Востока, отмечает Р. Давид, не свойственно такое видение. В глазах китайцев право не просто далеко от того, чтобы быть основой порядка и символом справедливости; оно — орудие произвола, фактор, нарушающий определенный порядок вещей. Добропорядочный гражданин не обязан уважать право и даже думать о нем; его образ жизни должен исключать любые правовые притязания и всякое обращение к правосудию. В своем поведении человек должен руководствоваться не юридическими мотивами, а стремлением к гармонии и миру. Согласительные процедуры ценнее правосудия, и конфликты следует гасить путем посредничества, а не решать правовым путем. Весь Дальний Восток руководствуется формулой: «Право хорошо для варваров». То же в полной мере относится к Черной Африке и Мадагаскару. Право западного образца там — по большей части лишь орнамент³⁴.

Столь объективные оценки юридической картины мира справедливы. Общество нуждается в стандартизации социальных отношений. В одних культурах эту функцию выполняет право, в других — религия, а в некоторых — традиции. Главное состоит в том, чтобы они действительно работали.

Мы полагаем, что российская цивилизация на всех этапах ее развития, конечно же, на фоне других не выделяется трепетным отношением к праву. В то же время есть определенные основания считать, что правовой нигилизм не был столь распространенным, как это имеет место сегодня, в советский период истории. Но не в самом начале, когда была принята на вооружение идея о постепенном отмирании права и государства, а гораздо позже, когда был взят курс на построение «развитого социализма». Объективности ради стоит отметить активную роль государства, Коммунистической партии, комсомола, других общественных организа-

ций в деле правового воспитания, предупреждения преступности, особенно среди несовершеннолетних и молодежи. Не стоит сбрасывать со счетов и одну интересную закономерность, а именно: авторитарные, а уж тем более тоталитарные государства более ревностно охраняют свои законы. Достаточно сказать, что организованная преступность (мафия) в Италии была вынуждена уйти в подполье во время диктатуры Б. Муссолини. После его казни все вернулось на круги своя.

В контексте рассуждений о правовом нигилизме имеет смысл затронуть и еще один аспект.

Порой само государство дает основания для живучести и даже нарастания нигилистических настроений в обществе. Это происходит тогда, когда люди не видят в праве выражения справедливости и элементарного здравого смысла. Взять хотя бы Федеральный закон от 25.12.2012 № 271 —ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации». Этот Закон предусматривает создание фонда капитального ремонта многоквартирных домов. Понятно желание властей переложить заботу о содержании жилищного фонда на граждан. Но где гарантии, что многолетние отчисления граждан в нужный момент пойдут на ремонт дома, а не в карманы управляющих этих самых фондов? Такой гарантии нет. Ростки современного российского неокapитализма оптимизма не вызывают. Точно так же, как нет особой радости от коммерциализации и «оптимизации» образования и здравоохранения, от платы за парковки, поскольку власть на местах и бизнес (а у нас это фактически неразделенные сферы) умудряются застраивать все и вся, нисколько не заботясь о дорогах. От вырубки лесов под строительство особняков в ранее охраняемых природных объектах. От заборов, которые не позволяют людям посещать леса и водоемы. От периодически возникающего желания законодателей лишить работающих пенсионеров кровно заработанной пенсии. От чувствительных налогов на землю и недвижимость. Словом, можно перечислять и дальше. У обыкновенного человека создается впечатление о начавшейся борьбе, только не с бедностью как с общественным явлением, а с бедняками как с социальным классом. «Несправедливый закон не создает права», —

³³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 27.

³⁴ Указ. соч. С. 27.

считал Цицерон. Неплохо бы об этом помнить власть предержащим.

В этом смысле правовой нигилизм не всегда можно оценивать только в негативных тонах. Если люди в той или иной форме *в рамках закона отстаивают свои права и достоинство*, то это нельзя, с нашей точки зрения, расценивать как правовой нигилизм. В течение длительного времени доходы от продажи нефти и газа инвестировались в иностранные ценные бумаги, развитые экономики, в конечном счете — в потребление граждан «первого» мира. Сейчас пришла ожидаемая расплата за эту экономическую политику. В условиях кризиса власть пытается переложить на граждан часть некогда государственных расходов, используя юридические нормы и процедуры. Это понятно. Не совсем понятно, как в этих условиях депутаты Государственной Думы повышают себе денежное содержание до неприличной суммы на фоне средней заработной платы по стране.

Разве все это способствует росту правовой культуры и правовому воспитанию? По всей видимости, нет. На фоне советской действительности, для которой по-прежнему не жалеют черной краски, правящий класс в современной России совершенно отделился от общества, опять же используя закон.

Что касается сущности правового нигилизма, то она проявляется в пренебрежительном, критическом отношении к праву как к средству, которое использует государство в процессе регулирования общественных отношений.

Относительно форм правового нигилизма высказываются различные суждения. Все зависит от оснований, которые кладут в основу классификации. В этом смысле форм выражения правового нигилизма существует множество.

По мнению В. А. Туманова, в юридическом нигилизме можно выделить две линии, одну из которых можно назвать *пассивной*, а другую — *активными* формами юридического нигилизма.

Для первой — пассивной — характерно безразличное отношение к праву, явная недооценка его роли и значения. В системе установок и ценностей соответствующих политических учений или праву вообще не находится места, или оно находится на задворках системы. Это свойственно не только учениям,

обосновывающим авторитаризм или тоталитаризм, но и тем, которые нередко именуют демократическими. В качестве примера В. А. Туманов приводит взгляды Чернышевского и Добролюбова.

Активному юридическому нигилизму свойственно осознанно враждебное отношение к праву. Представители учения этого рода видят, какую важную роль играет или может играть право в жизни общества и именно поэтому выступают против него. Эти учения отрицают социальную ценность права, в лучшем случае считают его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений, а в худшем — требуют вообще отказаться от него. В качестве примера приводятся имена Бакунина, Штирнера, Прудона³⁵.

В этом ряду уместно будет вспомнить и графа Л. Н. Толстого, который два года провел на юридическом факультете Казанского императорского университета и на этой основе представил такое суждение о праве: «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставляя людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им, властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами... Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владения орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылатъ, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылатъ, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе... право есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех

³⁵ Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 14—15.

насилий, которые совершаются одними людьми над другими»³⁶.

Его работы «Исповедь», «О жизни», «В чем моя вера», «Царство Божие — внутри нас» характеризуют Толстого как проповедника и пророка возврата к религиозной культуре. Л. Н. Толстой считал, что наука дает человеку массу ненужных знаний, поскольку «высшая разумность отравляет нам жизнь». Поэтому следует преобразить науку, философию, право и подчинить их этике. Если Кант стремился лишь утвердить примат этики, то Толстой всеми силами добивался тирании этических начал. В силу этого он считал, что «жить надо не по закону, а по совести». Право Толстой называл «гадким обманом», а юриспруденцию — «болтовней о праве».

Представленные примеры являют собой так называемый *доктринальный* правовой нигилизм. Он выражается в стремлении оправдать критическое отношение к праву апелляцией к неким аргументам, претендующим на известную степень теоретичности.

Взгляды Л. Н. Толстого, несомненно, находили, да и сегодня найдут отклик у определенной части российского общества.

Но это скорее проявление бытового, или как его нередко называют, *практического* правового нигилизма. Название нельзя назвать удачным, ибо оно проистекает из соотношения парных категорий «теория — практика». Обыденный нигилизм все-таки более удачно характеризует суть явления. Неуважение к праву в данном случае основывается не на каких-то теоретических постулатах, а на стереотипах поведения, личностных установках, индивидуальных представлениях о нормальном (допустимом) и ненормальном (недопустимом).

В современной юридической литературе имеет место классификация форм правового нигилизма по различным основаниям и критериям:

- 1) по субъектам (с учетом идентифицирующих возрастных, профессиональных и иных социально-демографических признаков);
- 2) по сферам общественных отношений, на которые правовой нигилизм оказывает свое негативное влияние (в сфере государ-

ственного управления, в социально-политической, экономической, культурной, духовной и других);

- 3) по характеру отображения правового нигилизма во внешнем мире (теоретическая форма — «доктрина правового нигилизма» и практическая форма — подмена в бюрократических интересах демократических общественных целей и задач, конфликт интересов федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, коррупция, самоуправство, массовые протестные акции граждан и др.)³⁷.

Н. В. Варламова считает, что в современной России можно выделить три вида нигилизма: легистский, социологический и собственно правовой нигилизм. Собственно правовой нигилизм представляет собой такое состояние общественного сознания, при котором свобода и формальное равенство участников социального взаимодействия не воспринимаются массовым сознанием как базовые ценности и основополагающие принципы законодательного регулирования, отсутствуют навыки и желание строить отношения на их основе³⁸.

Такой подход скорее связан с типами правопонимания, и в этой связи мы можем рассуждать скорее о «теоретическом» правовом нигилизме. Вряд ли большим массам людей свойствен легистский или социологический позитивизм. Что касается абсолютного большинства населения, то здесь наблюдается практический правовой нигилизм, который, как нетрудно догадаться, доминирует в России.

В юридической научной литературе отмечается, что элементы идейного (т.е. теоретического) правового нигилизма в современном российском обществе имеют неразрывную связь не с религией, философией или наукой, а с реальной политикой. Правовой нигилизм, не теряя своей первозданной негативной сущности, в условиях усиления общественно-политических протестных настроений наполняется сегодня в большей степени политическим содержанием³⁹.

³⁶ URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lev_nikolaewich/text_0840.s.

³⁷ Соколов Н. Я., Матевосова Е. К. Правовое воспитание в современном российском обществе : учеб. пособие. М., 2015. С. 48.

³⁸ Варламова Н. В. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее... и будущее России? // Сравнительное конституционное обозрение. М., 2000. С. 188.

³⁹ Матевосова Е. К. Указ. соч. С. 19.

Нигилистические настроения подпитываются и в связи с так называемым политическим отчуждением. Власть так и не стала ближе к народу, хотя об этом постоянно говорит Президент РФ В. В. Путин. Отчасти и по этой причине наблюдается масштабная ротация губернаторского корпуса. Основная причина, конечно же, экономическая. В условиях кризиса нужны люди, которые могут зарабатывать, а не только распределять то, что выделяет центр.

Сегодня трудно подвести «теоретическую» базу под тезис о необязательности соблюдения законов. Тем не менее бытовой (практический) правовой нигилизм продолжает оставаться значимой социальной проблемой, которую нужно решать более действенными мерами. Прежде всего необходимо менять власти. Но это тема для большого и серьезного размышления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой философии : в 4 т. — М. : Мысль, 1972.
2. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. — М., 2011.
3. Варламова Н. В. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и... будущее России? // Сравнительное конституционное обозрение. — М., 2000.
4. Генис А. Довлатов и окрестности. Частный случай. — М., 2011.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М., 1991.
6. Давид Р., Жоффре-Спинози Ж. К. Основные правовые системы современности. — М., 1996.
7. Достоевский Ф. М. Бесы : в 2 т. — М., 1993.
8. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 ч. — Л., 1991.
9. Интеллигенция. Власть. Народ. — М. : Наука, 1993.
10. Маркес Г. Г. Осень патриарха. — М., 2017.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25.
12. Матевосова Е. К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
13. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. — СПб., 2017.
14. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. — СПб., 2016.
15. Общая теория права : курс лекций. — Н. Новгород, 1993.
16. Словарь иностранных слов. — М., 1988.
17. Соколов Н. Я., Матевосова Е. К. Правовое воспитание в современном российском обществе. — М., 2015.
18. Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 2003.
19. Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. — М. : Наука, 1980. — Т. 4.
20. Философский словарь. — М., 1981.
21. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. — М., 1886.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2017 г.

LEGAL NIHILISM: ITS ESSENCE, CONTENT AND FORMS IN LITERATURE AND LEGAL SCIENCE

KORNEV Arkadiy Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Theory of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 kornev_av@rambler.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d.9

Abstract. The article deals with the problem of legal nihilism that was reflected in the works of Russian and foreign writers, representatives of social and political thought. Nihilism as a complex social phenomenon was, for the first time, subjected to consideration in the works of Russian writers. Nihilist sentiments were widely spread in the second half of the 19th century. Similar processes took place not only in Russia, but also in the countries of Western Europe. Nihilism has many forms of its objectification. In its original form it meant a protest against

traditions and traditional conservative values. It should be noted that nihilist tendencies developed mainly among intelligentsia belonging to different social classes. However, to some extent, they spread in the upper strata of the society as well. The paper focuses on legal nihilism, within which such values as the State, power, the law, law and order are being questioned. Indeed, despite some common features, legal nihilism in Russia did differ from legal nihilism in Western countries. It can be clearly seen in works of classics of Russian and foreign literature. The article describes the essence, content and forms of legal nihilism on the basis of works of representatives of the domestic legal science.

Keywords: legal nihilism, essence, form, content, legal culture, legal education.

REFERENCES

1. Anthology of World Philosophy: In 4 Volumes. M., Mysl', 1972.
2. Buchilo, N.F., Isaev I.A. History and Philosophy of Science. M., 2011.
3. Varlamova, N.V. Legal Nihilism: The Past, Present and... Future of Russia? // The Comparative Constitutional Abstract. M., 2000.
4. Genis, A. Dovlatov and Surroundings. A Private Case. M., 2011.
5. Danilevskiy, N. Ya. Russia and Europe. M., 1991.
6. David, R., Spinosi, J.C. The Main Legal Systems of Modernity. M., 1996.
7. Dostoyevsky, F.M. Demons. In 2 Volumes. M., 1993.
8. Zenkovsky, V.V. History of Russian Philosophy: In 2 Volumes. Leningrad, 1991.
9. Intelligentsia. Power. People. M., Nauka, 1993.
10. Marquez, Garcia. Autumn of the Patriarch. M., 2017.
11. Marx, K., Engels, F. Complete Works. Vol. 25.
12. Matevosova, E.K. Legal Education as a Means of Combating Legal Nihilism. Abstract of the PhD Thesis. M., 2012.
13. Nabokov, V.V. Lectures on Russian Literature. St. Petersburg, 2017.
14. Nabokov, V.V. Lectures on Foreign Literature. St. Petersburg, 2016.
15. The General Theory of Law. The Course of Lectures. Nizhny Novgorod, 1993.
16. Dictionary of Foreign Words. M., 1988.
17. Sokolov, N. Ya, Matevosova, E.K. Legal Education in Modern Russian Society. M., 2015.
18. Solonevich, I.L. People's Monarchy. M., 2003.
19. Turgenev, I.S. Complete Works: In 30 Volumes. M., Nauka, Vol. 4. 1980.
20. Philosophical Dictionary. M., 1981.
21. Chicherin, B.N. The People's Representation. M., 1886.